

Ватіуап культурний
центр Афганістан

Беседовал, специально для L&A

АРХИТЕКТОР ОЛЕГ ДРОЗДОВ: ГОРОД — ЭТО РЕЗУЛЬТАТ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

ОГОВОРИМСЯ СРАЗУ — МЫ БРАЛИ ИНТЕРВЬЮ У ОЛЕГА ДРОЗДОВА ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК В СЕТИ НАЧАЛСЯ БЕСКОМПРОМИСНЫЙ ХОЛИВАР ПО ПОВОДУ ЗДАНИЯ ТЕАТРА НА ПОДОЛЕ, ПОЭТОМУ В ТЕКСТЕ ВЫ НЕ НАЙДЕТЕ НИ СЛОВА ОБ ЭТОМ НЕБЕССПОРНОМ ОБЪЕКТЕ. НО ТЕМ ТОЧНЕЕ ОКАЗАЛОСЬ ПОПАДАНИЕ НАШЕГО ЗАГЛОВКА В СУТЬ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ГОРОДА. КОГДА НИ В СТРАНЕ В ЦЕЛОМ, НИ В ЕЕ СТОЛИЦЕ В ЧАСТНОСТИ, НИ В БОЛЬШОМ, НИ В МАЛОМ, МЕЖДУ ГРАЖДАНАМИ И ВЛАСТЬЮ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР НИКАК НЕ ОФОРМИТСЯ, А ВСЕ КОММУНИКАЦИИ ПО ЛИНИИ: ГОРОЖАНЕ-ВЛАСТИ-БИЗНЕС ПРИВЫЧНО ЧАЩЕ СВОДЯТСЯ К ШАБЛОННЫМ ПРОПЛАЧЕННЫМ АКЦИЯМ И СЕТЕВЫМ БИТВАМ СТОРОННИКОВ «ЗРАДЫ» И «ПЕРЕМОГИ». НО ТОГДА, МИЛЫЕ КИЕВЛЯНЕ, НЕЧЕГО НА ЗЕРКАЛО ПЕНЯТЬ...

Ave plaza офисно-торговый
центр Харьков

L&A Олег, Вы как-то с теплотой высказались о ландшафтной архитектуре в контексте того, что это — не «младшая сестра» архитектуры «классической», и не стоит относиться к ней по остаточному принципу. Архитектура либо есть, либо ее нет, и в этом случае абсолютно неважно, какими средствами она будет выражена — ландшафтом или зданиями. Более того, можно привести массу примеров, когда и архитектура, и ландшафт вполне себе существуют и развиваются без архитектора. Возьмите старый Амстердам, Марракеш или классическую украинскую деревню, — все это примеры взаимодействия с ландшафтом, и архитектор в этих случаях — весьма позднее звено.

L&A Довольно пестрый стилистический набор — от Голландии до Марокко. А лично Вам какой архитектурный стиль, направление ближе всего по философии, по эстетике, по семиотике? Положа руку на сердце, это модернизм. Я родился в двадцатом веке, живу в двадцать

Neiroom жилой дом
Харьков

первом, и в этом смысле идея будущего мне близка. По-настоящему глаза отдыхают, а мозг работает, когда ты находишься в вернакулярной, нетрадиционной среде.

Из последних гигантов, кто оказал на меня большое влияние, я бы назвал Миса ван дер Роэ. А из того, что происходит сейчас, с точки зрения архитектуры, мне импонирует португальская, отчасти испанская и швейцарская

школа. Впрочем, архитектура — явление глобальное, — чудесные архитекторы живут на разных континентах и делают прекрасные вещи, каждый свое.

Сегодня я стал больше ценить вневременность, которая присуща качественной архитектуре и которая не зависит от актуальности того или иного проекта. Настоящая архитектура — это не пик маркетинговых изысканий. Она говорит на свежем языке, и мне кажется, она будет устойчивой во времени.

L&A Опубликован свежий мировой рейтинг — 100 архитектурных школ. Из всех вузов бывшего СССР в него попал только Вильнюсский технический университет имени Гедиминаса. Что не так с нашими архитектурными школами, почему все так печально?

Складывается впечатление, что мы продолжаем жить за железным занавесом, несмотря на все современные средства коммуникации. В наших учебных программах нет того, что связано с общегуманитарной миссией профессии и, особенно, того, что касается социальных аспектов архитектуры. Об этом почему-то умалчивается. А этические вопросы лежат в основе и дизайна, и типологии, и всего на свете. Ведь что такое хорошее образование? Это прежде всего уникальная, потрясающая среда, в которой стремятся находиться те, кто преподает. Хороший преподаватель всего лишь модерирует дискуссию, в которой горячо участвуют студенты. Последние, как правило, — игроки несколько иной реальности. Они более тонко улавливают происходящие в обществе процессы, генерируют свежие мысли и выдвигают новые идеи. В мировой практике к этому огню приходят погреться успешные мастера, и, как правило, получается вполне себе синергетический эффект от взаимодействия опытных профессионалов с молодой энергией. Это актуальные люди, с актуальными программами. Происходит движение от учителя к ученику, и еще неизвестно, кто больше получает в процессе. А школа создается как некий хаб, где никто не дает пожизненную гарантию, что ты будешь трудоустроен. Это особенно характерно для американских школ: пока ты актуален, пока студенты тебе, профессору, ставят высокие отметки, — ты будешь преподавать. У нас же до сих пор такой глубокий социализм в учебных заведениях, что иногда кажется, что все изменения в обществе, все кризисы последней четверти века, прошли стороной эту сферу.

Karelian house частный дом Россия

L&A Ваше отношения к профессиональным конкурсам, выставкам и т.д. Есть ли смысл участвовать в них, если ты — не сэр Норман Фостер?

Существует масса всяческих открытых конкурсов, которые по своей сути есть некое собрание идей. Если не говорить о результатах, то факт того, что все участники могут посмотреть работы друг друга, следует считать позитивным. И очень жаль, когда в конкурсных проектах жюри не слишком компетентно. А случается и такое, когда цели и критерии оценки, которые ставятся в начале конкурса, изменяются до неузнаваемости к его финалу.

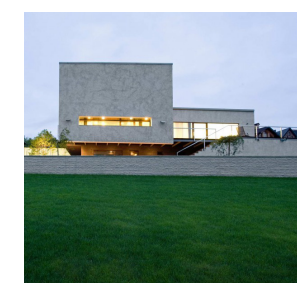
Несколько лет назад мы участвовали в конкурсе на проектирование культурного центра в Афганистане, который должен был возводиться под эгидой ЮНЕСКО при финансовой поддержке Южной Кореи. Вопреки условиям конкурса, победителем выбран невероятно дорогостоящий проект, и для того чтобы это понять, не надо быть экспертом мирового уровня. Интересно, что в этом же регионе есть реализованные проекты с потрясающей современной и рациональной архитектурой. Казалось, что они станут ориентиром для конкурсного жюри, но этого не произошло.

А есть конкурсы, имеющие более серьезный маркетинговый характер, которые выискивают победителей среди крупных брендованных звезд. Все это — элементарная спекуляция с целью поднять капитализацию проекта. Предположим, вы делаете оперный

театр в каком-нибудь городе, и эксперты из жюри понимают, что победителем должен стать кто-то из мирового топ-десяти архитектурных бюро. Так что конкурсы бывают разные, но участие в них — штука полезная, поскольку можно в открытом режиме испытать себя, попробовать свои силы.

L&A Расскажите о работе вашего бюро, приоткройте дверь на «кухню»?

По европейским меркам наше бюро — большое, но по меркам мировым — среднего размера — 17-18 человек персонала. Подавляющее большинство — это архитекторы, есть также директор и офис-менеджер. Все остальные — так сказать, люди, втянутые в проект. Есть еще отдельный человек, который занимается не только разработкой инженерных концепций, но и является коммутирующим звеном между инженерией и архитектурой. Что касается возраста, то это — средне-молодые ребята, хотя есть несколько сотрудников и более экспертного возраста. У нас есть своя макетная мастерская, где отрабатывается концептуальный процесс. Раз в неделю мы обычно устраиваем продолжительную дискуссию. Такая рефлексия иногда может быть посвящена путешествиям, порой мы даже приглашаем сторонних спикеров, но чаще всего — мы обсуждаем продвижение наших концептуальных проектов, и такая общая критика, как мне кажется, помогает в работе. Одна из наших особенностей — количество сотруд-

House with a peristyle
частный дом ландшафт
Харьков

ников, работающих над концептом часто больше тех, кто работает непосредственно над рабочим проектом, поскольку мы стараемся учитывать максимально большое количество различных мнений, критики и так далее. Количество игроков в команде все время «плавает» — мы универсалы и делаем все, от интерьера до мастер-плана, а в последнее время еще и много ландшафтных проектов. Ведь все, что применимо для архитектуры, применимо и для ландшафтов.

L&A Среди наших читателей как раз много ландшафтных дизайнеров. Не сталкиваетесь ли вы с некоторым недопониманием между архитекторами «классическими» и ландшафтными? Ведь не секрет, что с ландшафтным образованием у нас в стране дела обстоят не лучшим образом, и большое количество практикующих ландшафтников пришли в профессию совершенно из других сфер деятельности?

Бывает, что ландшафтный дизайнер — это садовник, который может нарисовать схему, и ничего плохого в этом нет. Более того, есть очень хорошие архитекторы, которые вышли из садовников. Мне кажется очень важным умение чувствовать землю, чувствовать растения, — это дается далеко не каждому. У нас может не хватать таких компетенций, и тогда мы обращаемся к дендрологам. Но ландшафт — это еще и камни, и бетон, и многое другое. Ландшафт — это очень многообразный язык, это пограничье между объемной архитектурой и живой природой. Эта граница может быть весьма условной, размытой. Мы, прежде всего, пытаемся соз-

давать некий жизненный сценарий, и уже потом обеспечивать его инструментами.

L&A Часто приходится слышать, что современный архитектор не обязан уметь рисовать, достаточно изучить специализированные компьютерные программы. Вы так не считаете?

На этот случай могу порекомендовать чудесную книгу Юхани Палласмаа «Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия». Там как раз говорится о том, что даже «мышка» является продолжением мозга. Так, как нас учили рисовать в институтах — по инерции, берущей начало в петербургской Академии художеств 18 столетия, — сегодня рисовать абсолютно не нужно. По-моему, необходимо более аналитическое, более скетчевое, что ли, рисование, умение заметить и выделить главное, отделить его от второстепенного. Рисунок — это часть анализа, это определение основных характеров, а не просто сканирование света и тени. Это может быть примитивная графика, но такая, которая помогает понять суть предмета. Скетч может быть не эмоциональным, а рациональным поиском пути, рефлексией. Может, кто-то не умеет рисовать, но умеет лепить, и материализация идей все равно пройдет через руки. А сейчас уже выросло новое поколение, у которого продолжением руки стал мобильный телефон, в котором совсем другие возможности и совсем другие скорости. Конечно же, это смена парадигм, но если смартфон — это продолжение руки, и, следовательно, мозга

в концепции Юхани Палласмаа, то почему бы и нет?

L&A Какими Вам видятся дом будущего, город будущего — лет эдак через 15-20?

Мы живем в пору революции, не только технологической, но и ментальной, люди становятся все более автономными, трансформируются такие институты как семья, коллектив, микроколлектив. С этой точки зрения, идеальный дом будет идеальным только для какого-то конкретного человека, а для его соседа, идеалом станет уже что-то совсем другое. А город будущего — это весьма рациональное образование, которое сможет наиболее успешно бороться за человеческий ресурс в высоко конкурентной среде. Прообразами я могу назвать два города, в которых я часто бывал и наблюдал за их развитием и трансформацией, это — Нью-Йорк и Копенгаген.

«Большое яблоко» уже стал эдаким Олимпом, мировой вершиной карьерного роста. Этот город почти до максимума увеличил плотность событий, людей и знаний в городской среде, и при этом вытеснил из себя автомобили, за исключением такси. Город постепенно трансформируется в устойчивый мегаполис, где сегодня житель тратит вдвое меньше ресурсов, чем средний американец.

Копенгаген — это потрясающий пример качества жизни. Такое ощущение, что если бы в году было 365 выходных дней, то каждый из них можно было бы целиком прове-

сти в каком-либо приятном месте. Все это конечно, следствие датского социализма и общественного договора, где все меньше индивидуального и все больше общего, чему способствует и высокий уровень доходов населения, и налоговая политика государства. Потому что в одиночку никто бы не смог себе позволить тот уровень комфорта, этого потрясающего количества живых общественных пространств, наполненных городской активностью, а не каких-то предвыборных симулякров, которыми потчуют украинцев. Многие из этих начинаний были инициированы «снизу», самими горожанами, которые постоянно находятся в диалоге с городскими властями, ведь собственно, любой город — это результат общественного договора. □